

УДК 172.1

А. КАМЮ ОБ ИРРАЦИОНАЛЬНОМ И РАЦИОНАЛЬНОМ ТЕРРОРЕ

¹Абдуллаева Р.А., ²Исаев А.А.

¹*Камышинский технологический институт (филиал) ГОУ «Волгоградский государственный технический университет», Камышин, e-mail: science@kti.ru;*

²*Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, e-mail: andisaev@mail.ru*

Данная работа посвящена изучению государственного террора с целью выявления его основных характеристик. Основной методологической базой исследования выступает эссе А. Камю «Бунтующий человек», в котором он рассматривает теорию и практику протеста против власти на протяжении столетий, критикуя диктаторские идеологии, в том числе фашизм, коммунизм и прочие формы тоталитаризма, которые посягают на свободу и, следовательно, на достоинство человека. На основе анализа проведенного А. Камю, сделан вывод, что государственный террор используется для того, чтобы дезорганизовать социальные движения или революционные группы, свести на нет их влияние и противостоять их движущей силе, проявлений которой боится государство или которая уже существует в действительности.

Ключевые слова: террор, государственный террор, фашизм, коммунизм, государство, национал-социализм, коммунизм, иррациональный террор, рациональный террор, тоталитаризм

A. CAMUS ON THE IRRATIONALITY AND RATIONALITY OF TERROR

¹Abdullaeva R.A., ²Isaev A.A.

¹*Kamyshin technological institute (branch) of the federal state budgetary educational institution of higher professional education «Volgograd state technical university», Kamyshin, e-mail: science@kti.ru;*

²*Ufa Law Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, e-mail: andisaev@mail.ru*

This work is devoted to the study of state terror with the purpose to identify its key features. The main methodological basis of research is the essay of A. Camus «Rebel», in which he examines the theory and practice of a protest against the authority for centuries, criticizing the dictatorial ideology, including fascism, communism, and other forms of totalitarianism that infringe on freedom and therefore on the dignity of a man. It has been concluded on the base of the analysis conducted by A. Camus that state terrorism is used to disrupt the social movements and revolutionary groups, to nullify their influence and resist their motive force, which manifestations the State is afraid or it has already existed in reality.

Keywords: terror, state terror, fascism, communism, state, national socialism, communism, irrational terror, rational terror, totalitarianism

Актуальность исследования такого явления современного мира как террор, не вызывает сомнения. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова под «террором» понимается: «Устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии, вплоть до уничтожения» [5, с. 518]. В основу лингвистического понимания «террора» ложится страх (устрашение, ужас) как некий аффектированный психический (эмоционально-волевой) феномен: возбуждённое переживание непризнания и отрицание внешнего раздражителя – форма чувственной зависимости человека от некоего иного. Однако современное представление террора и терроризма, несомненно, перерастают лингвистическое понимание, ибо во главу угла здесь ставится не столько «страх», сколько «уничтожение» (аннигиляция), а лингвистическое толкование «страха» находится в современной философии в числе ключевых констант так называемого экзистенциального воззрения [2].

Объектом данного исследования выступает государственный террор, предметом – философия государственного террора Альбера Камю. Цель работы – проанализировать и сопоставить разновидности госу-

дарственного террора в фашистской Германии и Советском союзе

Альбер Камю, французский философ-экзистенциалист, был одним из тех, кто глубоко и проникновенно занимался вопросами террора. Он заложил основы самостоятельной философской отрасли – философии государственного террора. Наиболее ярко свои мысли по этой проблеме он выразил в одном из самых известных и значимых своих трудов – эссе «Бунтующий человек». Это произведение было написано в 1950 году, когда сталинизм достиг апогея своего могущества, а марксизм превратился в государственную идеологию, система распространилась на Китай, началась война в Корее. Безусловно, эти исторические события не могли не повлиять на политические и философские воззрения французского мыслителя. В «Бунтующем человеке» он рассматривает теорию и практику протеста против власти на протяжении столетий, критикуя диктаторские идеологии, в том числе коммунизм и прочие формы тоталитаризма, которые посягают на свободу и, следовательно, на достоинство человека. Камю излагает расширенное учение о терроре, видя его зарождение в недрах французской революции и продолжая в русский

терроризм XIX века – terra incognita русской истории [2].

Автор вступительной статьи к произведениям французского философа А. Руткевич пишет: «“Бунтующий человек” – это история идеи бунта – метафизического и политического – против не-справедливости человеческого удела. Если первым вопросом «Мифа о Сизифе» был вопрос о допустимости самоубийства, то эта работа начинается с вопроса об оправданности убийства. Люди во все времена убивали друг друга, – это истина факта. Тот, кто убивает в порыве страсти, предстает перед судом, иногда отправляется на гильотину. Но сегодня подлинную угрозу представляют не эти преступные одиночки, а государственные чиновники, хладнокровно отправляющие на смерть миллионы людей, оправдывающие массовые убийства интересами нации, государственной безопасности, прогресса человечества, логикой истории» [6, с. 17]. Камю – современник XX века, в котором человек оказался перед лицом тоталитарных идеологий, служащих оправданием убийства. Главная проблема, которую усматривает здесь французский мыслитель, заключается в том, что сами эти идеологии родились из идеи бунта, преобразившейся в нигилистическое «все дозволено». Он рассматривает и трагедию философии, превращающейся в идеологию, оправдывающую государственный террор. Переломным моментом в резком усилении могущества государства послужила первая мировая война, которая, как утверждает Камю, разделалась с остатками «божественного права» [4]. Государство взяло на себя функцию созидания «града людей» взамен разрушенного «града божьего». Об этом и пишет философ в своем эссе: «После того как с идеей «града божьего» было покончено, пророческие мечты Маркса и смелые провидения Гегеля или Ницше в конце концов привели к созданию нового типа государства, рационального или иррационального, но в обоих случаях – террористического» [7, с. 255]. Террор тем самым приобретает государственные масштабы. Главную «заслугу» в этом Камю приписывает Муссолини и Гитлеру: «Они первые построили государство, исходя из идеи, что ничто на свете не имеет смысла и что история – всего лишь случайное противоборство сил» [7, с. 255]. На примере нацистской Германии французский философ прослеживает путь: к чему может привести подобная политика. В 1933 г. эта страна принимает низкопроб-

ные ценности, более того – она пытается навязать их всему миру. Это мораль уголовного мира, и Германия поплатилась за это: «Германия потерпела крах, потому что развязала всемирную бойню, руководствуясь при этом местечковым политическим мышлением» [7, с. 257]. Вера в тотальность государства, а значит и в тотальную правдивость его устремлений, приводит, в конце концов, к видению тотальной опасности, нависшей над данным государством или нацией. Исходя из этого, государство пытается защитить себя террором и оправдывает этим свой террор: «...Вечные поиски врага предполагают вечный террор – теперь уже на государственном уровне. Государство отождествляется с «аппаратом», т.е. с совокупностью механизмов завоевания и подавления. Завоевание, обращенное внутрь страны, называется пропагандой или репрессией. Направленное вовне, оно порождает военную экспансию. Таким образом, все государственные проблемы милитаризуются, переводятся в область насилия» [7, с. 258–259]. Государственный террор гитлеровской Германии Камю считает иррациональным. Любые попытки посягнуть на суверенитет народа, который якобы охраняется фюрером при помощи партии, должны решительно пресекаться. В такой ситуации человек, по выражению французского философа, исчезает. Ибо, являясь членом партии, он превращается в орудие фюрера, винтиком «аппарата», а будучи врагом фюрера, он перемалывается жерновами этого «аппарата». Машина направлена на уничтожение человеческого в человеке: «Иррациональный порыв, порожденный бунтом, направлен теперь только к одному: подавить в человеке то, что не позволяет ему стать простым винтиком, то есть его страсть к бунту... Иррациональный террор превращает человека в вещь, в «планетарную бактерию», согласно выражению Гитлера. Он ставит своей целью не только разрушение личности, но и уничтожение заложенных в ней возможностей, таких как способность к мышлению, тяга к единению, призыв к абсолютной любви» [7, с. 260].

Нацистская Германия во главе с Гитлером попыталась создать религию на основе идеи уничтожения, и эта попытка привела к уничтожению самой этой религии. Камю вспоминает гегелевское отрицание, призванное созидать. Но в данном случае отрицание было лишь разрушительным, а Гитлер остался для своего народа и для всего мира воплощением истребления

и самоистребления. Французский философ называет его единственным в истории тираном, не оставившим после себя ничего положительного. Представляется очевидным, что нижеприведенные слова Ясперса вполне могут выступить характеристикой личности и деяний Гитлера: «Человек участвует в страшных делах и говорит: жизнь сурова. Высокие цели нации, веры, будущего подлинно свободного и справедливого мира требуют от нас этой суровости. Такой человек суров и по отношению к самому себе; но эта суровость не опасна, отчасти даже приятна, так как создает видимость подлинности этих суровых требований, а в действительности лишь маскирует безудержную волю к жизни и власти» [9, с. 148]. Претендуя на руководящую роль в мире, фашисты, по мнению Камю, никогда всерьез не помышляли о создании вселенской империи. «Русский же коммунизм, – пишет французский философ, – напротив, как раз в силу своего происхождения открыто претендует на создание всемирной империи. В этом его сила, его продуманная глубина и его историческое значение... Это первое в истории политическое учение и движение, которое, опираясь на силу оружия, ставит своей целью свершение последней революции и окончательное объединение всего мира» [7, с. 262–263]. Русский коммунизм, в отличие от германского фашизма, рационален: «...Русский марксизм в общем и целом отвергает мир иррационального, хотя очень неплохо умеет им воспользоваться. Иррациональное может служить Империи, а может ее и подорвать. Оно не поддается расчету, а в Империи все должно быть рассчитано. Человек всего лишь игрушка внешних сил, которыми можно рационально управлять» [7, с. 303]. И хотя Ленин борется против терроризма, считая его «напыщенным и бессмысленным позерством», но это относится только к одиночным борцам. Отречение от бунта происходит ради Империи и рабства. Под знаменем идеи свободы свершается тотальный террор: «Отдельные личности при тоталитарном режиме порабощены, хотя человеческий коллектив можно считать свободным. В конце концов, когда Империя освободит весь род человеческий, свобода будет царить над стадом рабов, которые, по меньшей мере, будут освобождены от Бога, да и вообще от всего трансцендентного. Именно здесь проясняется пресловутое диалектическое чудо, переход количества в качество: всеобщее рабство выступает отныне под именем

свободы» [7, с. 300]. Трагедию русской революции («величайшей в истории») французский писатель видит не в том, что она стремилась к справедливости посредством беззакония и насилия (этого было сколько угодно во все времена), а в том, что она соединяет нигилизм с современным разумом, претендующим на универсальность, но в то же время концентрирующим в себе все человеческие увечья и уродства. Человеческое вытесняется из человека во имя истории и ее целей: «Притязания вселенского Града сохраняются в этой революции только за счет отрицания двух третей человечества и наследия веков, за счет того, что природа и красота отрицаются во имя истории, а человек лишается силы своих страстей, сомнений, радостей, творческого воображения – словом, всего, что составляло его величие. Принципы, избираемые людьми, в конце концов берут верх над самыми благородными их стремлениями» [7, с. 305]. Камю пытается провести сравнение между фашизмом и русским коммунизмом, которое на первый взгляд приводит к их отождествлению: «Те, кто рискнул ринуться в историю во имя иррационального, говоря, что она лишена какого бы то ни было смысла, находят в ней рабство и террор и в конце концов оказываются в мире концлагерей. Те, кто ломится в нее, проповедуя абсолютный рационализм, находят то же рабство и террор и упираются в ту же лагерную систему» [7, с. 310]. Фашизм пытался обозначить пришествие ницшеанского сверхчеловека, но человек, претендующий стать Богом, должен присвоить себе право на жизнь и смерть других людей. Так он становится «поставщиком трупов», «гнусным прислужником смерти», превращаясь в недочеловека. Рациональная революция стремилась реализовать всечеловека, появление которого предсказывал Маркс. Но, приняв логику истории в ее тотальности, она все сильнее калечила человека, превратившись в итоге в объективное преступление. О том, как иррациональная и рациональная тотальности воздействуют на личность, перестраивая ее для своей выгоды, Камю пишет: «...Только дошедший до иррационального остервенения зверь в человеческом обличье может додуматься до садистских пыток людей, чтобы выбить у них согласие. В этом случае происходит как бы омерзительное совокупление личностей, из коих одна подавляет другую. Представитель рациональной тотальности, напротив, довольствуется тем, что позволяет вещному началу

в человеке одержать верх над личностным. Сначала посредством полицейского промывания мозгов высшие духовные начала в человеке сводятся к низшим [4]. Затем следует пять, десять, двадцать бессонных ночей, в результате которых появляется на свет новая мертвая душа, проникнутая иллюзорной убежденностью. С этой точки зрения единственная подлинная психологическая революция нашего времени после Фрейда была осуществлена органами НКВД и вообще политической полицией» [7, с. 304].

Французский философ приходит к выводу, что между фашизмом, являющимся воплощением иррационального государственного террора, и русским коммунизмом, осуществляющим государственный террор на основе рациональности, нельзя поставить знак тождества: «Было бы несправедливо отождествлять цели фашизма и русского коммунизма. Фашизм предполагает восхваление палача самим палачом. Коммунизм более драматичен: его суть – это восхваление палача жертвами. Фашизм никогда не стремился освободить человечество целиком; его целью было освобождение одних за счет порабощения других. Коммунизм, исходя из своих глубочайших принципов, стремится к освобождению всех людей посредством их всеобщего временного закабаления. Ему не откажешь в величии замыслов. Но вполне справедливо отождествление их средств – политический цинизм оба они черпали из одного источника – морального нигилизма» [7, с. 310].

Таким образом, на основе анализа философии террора А. Камю можно сделать вывод, что государственный террор используется для того, чтобы дезорганизовать социальные движения или революционные группы, свести на нет их влияние и противостоять их движущей силе, проявлений которой боится государство или которая уже существует в действительности [10, с. 215]. Рассмотренные идеи и мотивы государственного террора дают возможность увидеть сложность проблемы при ее внешней простоте и помочь искоренить «пропаганду действием» – государственный терроризм как явление.

Список литературы

1. Гайдено П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
2. Грузман Природа террора и террор природы / Грани эпохи этико-философский журнал № 51 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ethics.narod.ru/articles9/3915.htm> (дата обращения: 7.06.2013 г.).
3. Исаев А.А. Проблема государственного террора в философии А. Камю / ХОРА. 2010. № 1/2 (11/12) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://khora.narod.ru/2010-12-15.pdf> (дата обращения: 7.06.2013 г.).
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. члена-корреспондента АН СССР Н.Ю. Шведовой. – 20-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1992. – 848 с.
5. Руткевич А. Философия А. Камю // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
6. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
7. Камю Альбер / Современная философия: Словарь и хрестоматия. – Ростов-н/Д., 1995. – 511 с.
8. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.
9. Одергон А. Отель «Война». Психологическая динамика вооруженных конфликтов. – М., 2008. – 512 с.